

ТАТЬЯНА АВТУХОВИЧ
Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny (Siedlce)

**АНАЛИТИЧЕСКАЯ РЕЦЕПЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО
ДИСКУРСА В РОМАНАХ ПОЛИНЫ ДАШКОВОЙ *ПРИЗ*
И *ПАКТ***

The Analytical Reception of the Political Discourse in the novels *The Prize* and *The Pact* by Polina Dashkova

The article deals with the outer and inner discourses in the novels by P. Dashkova "Prize" and "Pact". The techniques of audience manipulation are analyzed through behavioral and speech discourses, ways of psychological and rhetorical influence on the receiver that are characteristic of political discourse. It is stated that Dashkova's aim was to shape elementary reflexive skills over political discourse in the mind of a general reader; to form the ability to resist inculcation.

Keywords: political discourse, inculcation, analytical reflection, general reader.

Начнем с определения термина. В современных гуманитарных науках термином «дискурс» именуют **коммуникативное со-бытие**, т.е. неслиянное и нераздельное со-бытие субъекта, объекта и адресата некоторого единого (хотя порой и весьма сложного по своей структуре) высказывания¹.

В применении к романам Полины Дашковой о дискурсе можно говорить в двух аспектах: с одной стороны, имеет место внутренняя коммуникативная ситуация, предполагающая направленное воздействие оратора-политика на аудиторию и восприятие и оценку его политического красноречия и ораторского поведения слушателями; с другой стороны, налицо внешняя коммуникация, в процессе которой перед читателем раскрывается авторская концепция действительности, определяемой ситуацией манипулирования людьми

¹ Валерий Тюпа, *Литература как род деятельности: теория художественного дискурса*, [w:] *Теория литературы*. В 2 т. Под ред. Н.Д. Тамарченко. Т. 1. Москва 2004, с. 80.

через посредство политического дискурса. В статье будут рассмотрены оба дискурса, внутренний и внешний, поскольку именно законами массовой литературы и спецификой восприятия литературного произведения массовым читателем объясняется аналитическая рецепция поведения, высказываний политических деятелей прошлого и настоящего, персонажей романов, и способы интерпретации результатов этой рецепции в романах Дашковой.

Несколько слов о Полине Дашковой. Выпускница Литературного института, она выгодно отличается от большинства представителей писательского корпуса, подвизающихся на ниве популярной литературы, вниманием к актуальным проблемам современного общества, профессиональным письмом – умением строить динамичный сюжет, разрабатывать психологическую характеристику персонажей. Начав с произведений детективного жанра, благодаря которым быстро получила известность (среди них *Кровь нерожденных*, *Легкие шаги безумия*, *Никто не заплачет* и др.), в романах *Приз* (2004) и *Пакт* (2012) Дашкова отчетливо склоняется к политической проблематике, что обуславливает ее внимание к политическому дискурсу.

Концептуальная идея П. Дашковой, реализуемая ею в обоих романах, может быть сформулирована следующим образом: в современном мире, прежде всего в сфере публичной политики, произошел опасный по своим последствиям разрыв между формой и содержанием, слова утратили референтный смысл и с одинаковым успехом используются в разных ситуациях и с прямо противоположными целями. Одни и те же лозунги обслуживают разные политические системы и звучат из уст разных по декларируемым полити-

ческим взглядам политиков². Действительность виртуализировалась, в фикциональном мире произошло исчезновение человека, лозунг «весь мир театр и люди в нем актеры» звучит как никогда актуально: политики играют роли и скрывают свое подлинное, часто криминальное, лицо за имиджевыми масками, электорат представляет собой обезличенную и легко поддающуюся манипулированию биомассу, не способную отличить игру от реальности, падкую на внешние эффекты политических шоу, устраиваемых очередным кумиром, претендентом на роль лидера, который не более чем симулякр, порождение тайных желаний, фантазмов и страхов толпы.

В многообразных и сложно переплетенных сюжетных линиях романа *Приз*, действие которого происходит в прошлом (нацистская Германия) и настоящем (Франкфурт и Москва), а также в прошлом, которое переживается как настоящее в паранормальных видениях одной из героинь, Василисы (концлагерь Дахау, где врач Отто Штраус проводит опыты над заключенными), реализуются несколько сюжетов: криминальный, детективный, сюжеты жертвы и разведки, однако именно политический сюжет связывает их воедино, реализуя авторскую мысль о проникновении политики во все сферы жизни современного общества. Политика в ее дискурсивном аспекте становится предметом многостороннего обсуждения. Что обуславливает власть одного человека над миллионами людей, что делает его объектом поклонения толпы – эти вопросы для XX века, времени массовых политических движений, для начала XXI века,

² Так, слова Гимmlера, выложенные белой черепицей на крыше центрального здания концлагеря Дахау: «К свободе ведет один путь. И его вехами являются покорность, честность, чистота, самопожертвование, порядок, дисциплина и любовь к родине», имеют позитивный универсальный смысл, и только контекст концлагеря придает им характер циничного издевательства.

времени торжества массового человека, человека толпы, более чем актуален.

Дашкова подвергает аналитическому рассмотрению поведенческий дискурс главного героя, Владимира Приза, его стратегию достижения успеха. Приз в своей теневой жизни – криминальный тип по кличке Шаман, бандит, торгующий оружием, убивающий людей, претендующий на роль сверхчеловека, миссия которого – расчищать жизненное пространство от неполноценных людей-«лютиков» – наркоманов, алкоголиков, бомжей-«вонючек», убирать их как «несуществующие объекты», которые по ошибке созданы природой. В своей публичной ипостаси он успешный актер, ведущий популярного шоу, «человек-бренд, человек – коммерческий проект»³ неведомых структур, которые вкладывают в него деньги как в потенциального лидера оппозиции. Он любимец миллионов, либо возможный президент России, либо «будущий русский фюрер». Приз расист, нацист, антисемит по своим взглядам (мысли и идеи Шамана идентичны мыслям Гитлера, Гимmlера, фашистского врача-убийцы Отто Штрауса, лозунг «Бей жидов!» объединяет его с предшественниками), и в то же время он второе лицо в «самой демократической русской партии „Свобода выбора”, произносит речи о всеобщем равенстве, братстве, гуманизме, сострадании, любви»⁴.

П. Дашкова демонстрирует механизмы успеха подобных политиков, опираясь и по существу иллюстрируя работы современных философов и психологов, изучающих феномен массового сознания, психологию толпы и способы манипулирования общественным сознанием. Феномен Приза и его исторического двойника Гитлера становится предметом обсуждения разных людей в романе, которые

³ Полина Дашкова, *Приз*, Москва 2007, с. 20.

⁴ *Ibidem*, с. 133.

ищут объяснения в самом широком диапазоне версий – от исторической мистики (культовый лидер – марионетка в руках неведомых исторических или даже космических сил), социальной психологии (лидер – «плод коллективной шизофрении», массового помешательства), политической прагматики (лидер – результат совпадения ожиданий толпы и умения политика манипулировать ею) до соответствующей наступившей информационной эпохе идеи пиар-технологий (лидер – продукт банальной раскрутки с помощью средств массовой информации и рекламы). Каждая из этих версий разрабатывается в романе. Таким способом Дашкова удовлетворяет читательские ожидания: адаптируя уже известные, высказанные в гуманитарной науке идеи, до уровня массового читателя, она оставляет некое поле неопределенности, не давая окончательного ответа на поставленный вопрос; она имитирует проблемную ситуацию, поскольку проблематизация сочетается с типичным именно для массовой литературы настойчивым повторением однозначных подсказок – характеристик, которые дают Призу другие персонажи и повествователь. Эти характеристики носят формульный характер, не оставляя читателю возможности для выбора собственного ответа на поставленные вопросы. Такова, например, прямая аналогия Приз – Гитлер, которая настойчиво проводится в романе. Уделяя больше внимания Призу, лишь иногда акцентируя типологическое сходство, даже тождество двух персонажей, Дашкова стремится внушить читателю мысль об опасности неонацизма в современной России. Одним из способов внедрения этой мысли в сознание читателя и становится акцент на несовпадении формы и содержания в политике, в целом в публичной жизни.

При этом, анализируя социально-психологический облик массы как фактор успеха политика-манипулятора, Дашкова занимает

достаточно мягкую позицию, избегая прямых критических высказываний, характерных, например, для таких теоретиков, как Г. Лебон или Х. Ортега-и-Гассет, которые идентифицировали массу с «чернью»; вуалируя мысль о связи феномена массы с тоталитарными режимами, на чем настаивали Э. Фромм и Г. Маркузе. Надо полагать, Дашкова склонна к умеренной точке зрения, согласно которой массовое сознание – порождение научно-технического прогресса и средств массовой информации (Г. Блумер), то есть в конечном итоге массовый человек – жертва политического манипулирования. Поэтому задача автора – помочь массовому читателю понять механизмы манипулирования, чтобы противостоять им. Этой задачей определяется внешний дискурс романа.

Поведенческий дискурс любого политика, показывает П. Дашкова на примере главного героя романа, включает в себя, прежде всего, создание собственного имиджа. Именно поэтому Приз, который был «девственно, стерильно необразован»⁵, больше заботился не о повышении своего культурного уровня, а о внешнем имидже. Плохие волосы и кожа, женообразная, как у Гитлера, фигура, слабые мускулы, неприятная мимика – все это было предметом его особого внимания и постоянной заботы, которая включала диету, отработку перед зеркалом над мимикой, пластикой. Результат этих усилий – «голивудская», то есть стандартная, соответствующая массовому вкусу, внешность («мужественная открытая физиономия, темные волосы, голубые глаза, ясная улыбка»⁶, «просто убийственное мужское обаяние»⁷, звание «самый сексуальный мужчина года»⁸.

⁵ *Ibidem*, с. 34.

⁶ *Ibidem*, с. 21.

⁷ *Ibidem*, с. 132.

⁸ *Ibidem*, с. 388.

Приз, по мнению интеллектуалов, – «марионетка, ничтожество»⁹, но благодаря телевидению и рекламе добился успеха, его стандартное лицо стало узнаваемым, и это второй фактор успеха его как политика:

Сыграл главные положительные роли в нескольких боевиках. Потом стал вести экстремальное молодежное шоу с мотогонками, парашютами, отвесными скалами, морскими глубинами и необитаемыми островами. Вскоре его физиономия украсила бутылки с прохладительными напитками, банки с консервированными огурцами, картонки с бритвенными лезвиями, нижнее белье, не только мужское, но и женское. Под улыбающимся портретом сияла косая красная надпись: «Очнись, Россия!»¹⁰.

Для массового человека виртуальный образ политика, в данном случае Приза, более реален и ярок, нежели подлинная реальность. Важно и другое. «Точка пересечения больших денег и большой народной любви»¹¹. Приз стал популярен, прежде всего, потому, что соответствовал ожиданиям толпы, был для нее «своим»: «Его любили барышни и старушки. Его называли «сынком» и «братишкой»¹². Даже его стандартная, лишенная индивидуальности, сделанная по образцу внешность была воспринята толпой как «своя» в силу ее обезличенности и стандартности.

Не без иронии Дашкова констатирует «жертвы» Приза на пути к народной любви. Стремясь стать таким, как все, он моделирует свой облик, проявляя способность к мимикрии: Приз «считал, что образ человека, который ест пельмени и пьет водку, ближе и понятней народу, чем образ диетического аскета»¹³, поэтому, тайно

⁹ *Ibidem*, с. 238.

¹⁰ *Ibidem*, с. 254-255.

¹¹ *Ibidem*, с. 23.

¹² *Ibidem*, с. 388.

¹³ *Ibidem*, с. 192.

изнуряя себя фруктовыми диетами и чистками всего организма, перед публикой он демонстрирует иные, более демократические, гастрономические пристрастия. Платон считал такое поведение оратора угодничеством перед аудиторией, однако для Приза это один из путей к власти над толпой, часть стратегии, в которой актерство и политика выступают как тождественные понятия: «Каждый политик немного актер, – утверждает он. – Каждый талантливый актер немного политик, поскольку созданные им образы влияют на массовое сознание»¹⁴. Актерство – ложь, возведенная в принцип, доведенная до уровня безответственной циничной игры, постоянной смены масок, неуловимости лица и позиции. Этим обусловлен успех Приза у разных категорий населения:

Приз – хороший добрый мальчик, душка, для пожилых. Прикольный стебный пацан для молодых. Демократ для демократов. Патриот для патриотов»¹⁵.

Беспринципность такого поведения особенно очевидна в сравнении с советами античных риторов, в частности Аристотеля, которые указывали на то, что стратегия оратора должна учитывать характер аудитории, но при этом регулироваться безупречной нравственной позицией. Позиция у современного политика-симулякра, как правило, отсутствует, им руководит только корыстный интерес. Безнравственность как определяющее свойство массового человека, о чем писал Ортега-и-Гассет в «Восстании масс», характеризует и политика, и его электорат. Именно поэтому отсутствие означаемого (определенной политической и нравственной позиции) камуфлируется информационным шумом:

¹⁴ *Ibidem*, с. 177.

¹⁵ *Ibidem*, с. 462.

Приз, как кальмар, окружает себя чернильным облаком. Вокруг него сплошные мифы, сплетни. Это умно. Флер тайны никогда не мешал популярности. С другой стороны, в такой мути можно любую правду объявить мифом¹⁶.

Но феномен Приза был бы невозможен без наличия соответствующего электората. Опора Приза – не только хулиганствующие подростки, которым нужен магнит, создающий центростремительное движение, когда они становятся силой; его электорат – новое поколение, для которого все решают деньги и только деньги, поколение, лишенное интеллигентских рефлексий и сомнений. Политиков, подобных Призу, порождает толпа, которая стремится «раствориться, исчезнуть, не быть собой, не быть вообще»¹⁷, мечтает изнывать «в едином экстазе»¹⁸. Этим экстазом охватывают толпу и «охрипшая кладбищенская ворона» Гитлер, Володя Приз.

Механизм воздействия на толпу и ее сплочения, показывает Дашкова, до банальности прост: не обладающие собственной волей и целью, люди толпы нуждаются в священной миссии, которая приносила бы смысл в их бессмысленное существование, – так в лексиконе политика появляются идеи спасения страны (России, Германии, человечества в целом), например, «от еврейско-американской заразы»¹⁹. Не имеющие достойного социального статуса, испытывающие интуитивную потребность в признании собственной значимости, люди толпы падки на патетическое признание своей национальной исключительности, – так появляются националистические призывы, настоянные на мессианских идеях: «Очнись, Россия (Германия)!». Авторизированные, не обладающие прочными

¹⁶ *Ibidem*, с. 462.

¹⁷ *Ibidem*, с. 59.

¹⁸ *Ibidem*, с. 60.

¹⁹ *Ibidem*, с. 417.

социальными связями, люди толпы испытывают потребность в механическом объединении, в чувстве локтя, – так появляется ритуальная атрибутика, форма, флаги, военный строй и дисциплина, оккультная символика, которая обрамляет ритуалы, придает им атмосферу тайны, посвященности, мистики. Образ врага, национализм и безусловное подчинение – основа единства толпы. Дашкова, анализируя действия Приза, как и Гитлера, по существу иллюстрирует главный тезис социальной психологии, согласно которому стратегия лидера направлена на самоидентификацию толпы, ее сплочение на основе образа врага, общих национальных и культурных установок и проповеди национальной исключительности.

Ложь пронизывает и собственно высказывания политика. Дашкова подчеркивает, что в современном мире произошла девальвация слов и стоящих за ними ценностей: Приз осознает, что идеи нацизма и антисемитизм в современном мире не обладают легитимностью, поэтому не артикулирует их открыто, а камуфлирует свои взгляды утратившими свой подлинный смысл и стертыми от многократного употребления словами о гуманизме, равенстве. Свою двойную жизнь он мотивирует тактической необходимостью:

Большая ошибка, – говорил он, – не имея реальной власти, публично озвучивать свои истинные цели и убеждения. Если я скажу по телевизору, что ненавижу евреев, никто из богатых евреев не даст мне денег. Если я заявлю, что право на государственную помощь, и вообще на жизнь, имеют только сильные, здоровые, молодые, меня разлюбят бабки и деды, которых пока в России очень много, значительно больше, чем молодых и здоровых. Если я признаюсь, что хочу очистить Россию от грязи, от черных, от кавказцев, евреев, цыган, от дебилов и старых маразматиков, меня могут посадить. (...) Если бы, допустим, большевики говорили правду, разве сумели бы они прийти к власти и продержаться семьдесят лет? Они обещали землю крестьянам – и отняли ее. Обещали свободу – и засадили всех в лагеря. Обещали хлеб – и уморили голодом миллионы. Политика – это вранье государственного масштаба, это такой глобальный крutoй прикол. И если мы с вами будем носить свастику на

рукавах и знаменах, мы добьемся только мелкого скандала. Свастика должна быть в сердце»²⁰.

Для успеха партии, любого движения не нужна политическая программа – нужны «порядок, дисциплина», личность узнаваемого, тиражированного всеми средствами массовой информации лидера, «напор, наглость, мощный пиар»²¹, владение – интуитивное или осознанное – приемами манипулирования сознанием собеседника или толпы в целом. И, конечно, апелляция к базовым инстинктам толпы (житейский комфорт и спокойствие), жонглирование стереотипными формулами и ключевыми словами «народ», «нация», «держава»:

Да вон она, моя программа, – он кивнул на окно, за которым стояла толпа поклонников с транспарантами. – Ее народ сформулировал. Россия должна очнуться. Ребята, мы же с вами себя не на помойке нашли. Мы сильная, красивая нация, у нас древние благородные корни, у нас гигантский потенциал. У нас самая культурная культура и самая научная наука. Россия должна стать, наконец, самой величественной и могущественной державой мира. Мы этого достойны²².

Приз, как и Гитлер, произносит банальности, тиражирует их, его плеоназмы «самая культурная культура и самая научная наука» бессмысленны и смешны, его риторически выстроенные периоды наивны и архаичны по форме, его откровенные комплименты слушателям, заигрывание перед публикой и апелляция к общим интересам неизбежно должны вызвать иронию у рефлектирующего слушателя; его шутки низкопробны, жесты вульгарны. Однако эффект подобных высказываний не зависит от содержания – как цинично констатирует сам оратор, «люди-лютики слов не слы-

²⁰ *Ibidem*, с. 387-388.

²¹ *Ibidem*, с. 517.

²² *Ibidem*, с. 564.

шат»²³; примитивный юмор, напротив, соответствует ожиданиям толпы. Эффект магического воздействия звучащего слова был открыт еще в античности софистами и с тех пор беззастенчиво используется нечистоплотными политиками, которые на место убедительности речи ставят эмоциональное воздействие не столько слов, сколько завораживающего гипнотического облика говорящего человека, его энергетики, которая представляет собой сплав наглости, цинизма, напора. Всеми этими качествами обладает Приз, который, как некогда Гитлер, оказывает магическое воздействие на толпу, искусно актуализируя стадный инстинкт: «Казалось, прикажи он игрокам (участникам шоу. – Т.А.) встать на четвереньки и захрюкать или броситься со скалы без страховки, и они с восторгом сделают это»²⁴.

Агата Кшихилькевич, анализируя роман П. Дашковой, приводит многочисленные высказывания гуманитариев о том, что в современном мире складывается новая эстетика, которая разрушает традиционную корреляцию между оппозициями «добро-зло», «прекрасное-безобразное»: «прекрасное является одной из любимых масок зла» (Х. Аренд); «в наши времена зло имеет силу гнусного соблазна» (Ф. Боркенау; Х. Аренд); современное зло – «симулякр правды» (А. Бадю). «Наружная красота, как и подобие правды, – резюмирует А. Кшихилькевич, – привлекательны, поэтому они эффективно отвлекают внимание от внутренней стороны слова, характера, образа, явления, теории», и необходимо огромное усилие, чтобы освободиться из-под власти этого двуединства (двух сторон

²³ *Ibidem*, с. 352.

²⁴ *Ibidem*, с. 21.

медали) добра и зла²⁵. Цель аналитической рефлексии П. Дашковой над политическим дискурсом и поведенческими стратегиями Владимира Приза – помочь читателю успешно осуществить это усилие и освободиться от „обаяния” зла, обрести навыки критического противостояния манипулированию.

В романе «Пакт» Дашкова ставит перед собой другую задачу. Объектом ее рефлексии становится собственно политический дискурс как тип высказывания, точнее – политический дискурс как средство манипулирования. Действие романа происходит в тридцатые годы XX века в СССР и Германии. Сопоставляя политику и методы правления Гитлера и Сталина, Дашкова побуждает массового читателя увидеть и понять уже достаточно укоренившуюся в сознании интеллектуалов мысль о принципиальном сходстве двух тоталитарных государств. В качестве материала авторской аналитической рефлексии выступают многочисленные выдержки из аутентичных речей Сталина и Гитлера и людей из их окружения, собственно рефлексия осуществляется через призму нескольких воспринимающих сознаний – спецреферента Ильи Крылова, доктора Карла Штерна и других персонажей, которых объединяет доступ к разноплановой информации и возможность опираться на личные наблюдения в своих выводах.

Как и в предыдущем романе, Дашкова в романе «Пакт» анализирует психологический облик политических деятелей – Сталина и Гитлера, используя их характеристики и оценки, данные разными персонажами. Появляющиеся в результате такого коллективного

²⁵ Агата Кшихилькевич, *«Здесь» и «сейчас» популярной литературы: двойственность как художественная стратегия в романе «Приз» Полины Дашковой*, в: *Чтение: рецепция и интерпретация* в 2 ч. Ч. 1. Гродно 2011, с. 145-146.

моделирования психологические портреты воссоздают, скорее, социальный миф – бытовавшее среди современников представление о вожде. При всех отличиях, эти портреты-мифы типологически сходны, поскольку отражают, с одной стороны, специфику именно тоталитарного политика, с другой стороны, характер его восприятия людьми разного уровня образования, культуры, способности к критической рефлексии. Если Сталин для людей – «кальмар», охватывающий своими щупальцами жертву; «упырь», ирод; холодный игрок – драматург и шахматист; восточный деспот по образцу Чингиз-хана или Тамерлана; мистическая личность; примитивный обманщик, двурушник; навязчивый сон, ночной кошмар; хитрый и ловкий уголовник Сосо, который сумел обманом дорваться к власти и создать миф о себе как о великом «товарище Сталине», при этом в своей политике постоянно прибегающий к типично уголовным приемам, то Гитлер – гений; «ефрейтор»; психопат, в зависимости от ситуации исполняющий роль цивилизованного политика или светского льва из дешевой мелодрамы; психоделический наркотик; напыщенный болтун, одержимый манией величия; мужская проститутка, продающая свою популярность за деньги экзальтированных дам; «крошка Цахес», ничтожество, умело имитирующее истерики ради дешевого внешнего эффекта, сохраняя при этом ледяное спокойствие. В обоих диктаторах Дашкова акцентирует несовпадение внешнего и внутреннего, на основе которого оказывалось возможным возникновение их персональных мифов, размытость и неуловимость истинного лица, способность к психологическому угнетению окружающих и манипулированию ими.

Приемы такого манипулирования, используемые как Гитлером, так и Сталиным, поразительно сходны и основаны на давно известных риторических и психологических уловках. Один из прие-

мов манипулирования – эмоциональное подавление личности с помощью голоса и гипнотической манеры речевого поведения. Характеризуя манеру публичного выступления Гитлера и Сталина, Дашкова отмечает у обоих искусное владение голосом, актерские модуляции, что обеспечивает им владение аудиторией, способность удерживать ее внимание:

Голос его (Гитлера. – Т.А.) звучал резко, высоко, хрипло. Он замолчал, устоялся вдали, поверх голов, словно читал какую-то надпись на задней стене зала, потом заговорил тихо, почти зашептал (...) Оять последовала пауза (...) Публика терпеливо ждала. За мгновение до того, как иссякло ее терпение, он вскинул голову, тряхнул челкой, ударил кулаком себя в грудь и закричал...²⁶.

Сталин произнес необыкновенно длинную речь. Говорил без бумажки, как всегда тихо, не спеша, с долгими томительными паузами. (...) Тишина стояла мертвая, и лица слушателей казались мертвыми. Когда вождь наливал себе нарзан, тихое бульканье воды, звон стекла разносились по всему залу. Он выпил до дна, накрыл бутылку перевернутым стаканом, обвел зал прищуренным взглядом, покрутил кончик уса, продолжил еще тише²⁷.

Разными средствами оба вождя добиваются одной цели – отключения сознания слушателей и введения их в трансобразное состояние. Свою долю в этот процесс вносит и собственно речь. Дискурс Гитлера можно назвать тиражированием банальностей, которые он произносит с претенциозным видом как некое откровение, варьируя одну и ту же общеизвестную мысль на все лады:

Брак как основа семьи есть залог жизни и будущего народа. Сохранение в чистоте его устоев есть нравственный долг. Прелюбодеяние и разрушение чужой семьи есть осквернение чести, а измену собственной жене следует в общем и целом дополнительно квалифицировать как вероломство. Измена жены обязывает супруга во имя защиты чести своего дома призвать обидчика к ответу (...) Любое существо, любое вещество, но также и любой общественный институт подвержены процессу старения, –

²⁶ Полина Дашкова, *Пакт*, Москва 2012, с. 78.

²⁷ *Ibidem*, с. 539-540.

продолжал Гитлер. – Однако всякий общественный институт обязан считать, что он вечен, если только не желает самоликвидироваться. Крепчайшая сталь устает, все без исключения элементы распадаются. Поскольку Земле суждена гибель, несомненно, уйдут в небытие и все общественные институты²⁸.

Особенностью речи Гитлера является постоянное использование дефинитивных конструкций – определений понятий. Дефиниция имитирует интеллектуальную направленность политического дискурса. В то же время повторы, синонимические конструкции, варьирование отключают сознание слушателя, поскольку в речи отсутствует динамика мысли. Избыточные повторы характеризуют аналогический тип мышления, в основе которого лежит принцип взаимоотражения, но главное – имитации процесса познания, поскольку предмет познания так и остается неопределенным²⁹. О том же свидетельствуют и внутренняя противоречивость отдельных частей приведенного высказывания, и склонность Гитлера к немотивированным хиастическим переходам, что усиливает ощущение логической бессвязности его речи. Возникает эффект самопроизрастающего высказывания (Аристофан называл подобный монолог «словесным поносом»), которое не имеет ни начала, ни конца, вот почему подобный монолог может длиться бесконечно (ср.: «Обед длился несколько часов, и все это время Гитлер трещал, как заигранная пластинка»³⁰). «Это – стиль внутренне бесконечной речи, которая может быть, правда, механически оборвана, но не может быть органически закончена»³¹. Однако такая речь чревата

²⁸ *Ibidem*, с. 92-93.

²⁹ Сергей Зенкин, *Французский романтизм и идея культуры. Неприродность, множественность и относительность в литературе*, Москва 2000, с. 80.

³⁰ Полина Дашкова, *Пакт*, ук. соч, с. 93.

³¹ Михаил Бахтин, *Проблемы творчества Достоевского*, Москва 1979, с. 135.

разрушением дискурса как коммуникативного взаимодействия оратора и аудитории, поскольку слушатели, как правило, не могут сконцентрировать внимание на смысле высказывания и склонны выходить (отключаться) из коммуникации. Отчасти этим объясняется необходимость для оратора использовать методы эмоционального (искусственного) стимулирования аудитории, о котором говорилось выше. Более существенным, однако, является другое: эмоциональными перепадами Гитлер переключает внимание публики (толпы) с содержания речи на форму ее преподнесения.

Анализируя повесть Ф.М. Достоевского *Записки из подполья*, М. Джоунс пишет о том, что «подпольный человек» именно благодаря своей путаной, сбивчивой, алогичной, основанной на повторях речи «пытается вырваться из бесконечного танца, утверждая собственную индивидуальную волю и себя как субъекта»³². В определенном смысле эти слова можно отнести и к Гитлеру, каким он предстает в своих речах и каким показан в романе Дашковой: истеричный, неуверенный в себе, цепляющийся за слова психиатра о том, что ему суждена великая миссия спасения Германии. Гитлер нуждается в обретении точки опоры для собственной персонификации. Власть над толпой, которую он обретает благодаря приемам эмоционального воздействия, позволяют ему персонифицироваться именно в статусе фантомного порождения коллективного бессознательного. Закономерно, однако, что реакция слушателей на его поведение и речи дифференцирована: если толпа подчиняется ему в едином порыве стадного инстинкта, то интеллектуалы, менее подверженные воздействию коллективной идентификации, дистанци-

³² Малкольм Джоунс, *Достоевский после Бахтина. Исследование фантастического реализма Достоевского*, Санкт-Петербург 1996, с. 89.

руются от оратора, воспринимая его речь как звук «заезженной пластинки».

Сталин в своем политическом дискурсе решает иные проблемы и решает по-другому. Дашкова приводит текст речи вождя на расширенном заседании Военного совета в июне 1937 года:

Товарищи, в том, что военно-политический заговор существовал против Советской власти, теперь, я надеюсь, никто не сомневается. Факт, такая уйма показаний самих преступников и наблюдения со стороны товарищей, которые работают на местах, такая масса их, что несомненно здесь имеет место военно-политический заговор против Советской власти, стимулировавшийся и финансирувавшийся германскими фашистами. Ругают людей: одних мерзавцами, других чудаками, третьих помещиками, но сама по себе ругань ничего не дает. (...) Прежде всего обратите внимание, что за люди стоят во главе военно-политического заговора. Я не беру тех, которые уже расстреляны, я беру тех, которые недавно еще были на воле. Троцкий, Рыков, Бухарин. К ним я отношу также Рудзутака, очень хитро работал, а оказался всего-навсего немецким шпионом. Карахан, Енукидзе. Дальше идут Ягода, Тухачевский – по военной линии, Якир, Уборевич, Корк, Эйдеман, Гамарник – 13 человек. Что это за люди? Это очень интересно знать. Это ядро военно-политического заговора, ядро, которое имело систематические отношения с германскими фашистами, особенно с германским рейхсвером, и которое приспособляло всю свою работу к вкусам и заказам со стороны германских фашистов. Что это за люди?³³.

Как и Гитлер, Сталин только имитирует доказательность своего мнения о наличии военно-политического заговора. Показателем имитации являются отсутствие фактов, достоверной информации, вместо которых фигурирует голословное утверждение, повторяемое несколько раз; ссылка на «показания», которые не озвучиваются. Чудовищная ложь воспринимается как правда благодаря гиперболизации: ссылке на размах заговора, наличие его сторонников по всей стране. Оратор использует вопросно-ответный ход («Что это за люди?») для привлечения внимания и, главное, для имитации диа-

³³ Полина Дашкова, *Пакт*, ук. соч., с. 539.

логического взаимодействия со слушателями, цель которой – достижение «диалога согласия». Перечень имен «заговорщиков» дробится на части (прием парцелляции) и таким образом получает дополнительную верификацию, кроме того, лучше воспринимается – здесь используется правило, согласно которому слушатель способен воспринять текст не больше 5-7 слов. Декларируя наличие заговора, Сталин создает определенный образ мира, в основе которого лежит его пресловутый тезис об усилении классовой борьбы в стране, которой угрожают внешние и внутренние враги. Моделирование лже-события имеет целью мистификацию действительности. Ссылка на контакты «заговорщиков» с германским фашизмом, с одной стороны, привносит в эту мистификацию оттенок сенсационности, с другой стороны, скрывает истинную суть происходящего – уничтожение Сталиным потенциальных противников и конкурентов в борьбе за власть, укрепление безраздельной единоличной – построенной по уголовному образцу – власти. И невербальное, и вербальное поведение Сталина, как и в случае Гитлера, направлено на уничтожение личности слушателей. Регулятор такого уничтожения – страх, панический ужас, который вызывает вождь (уголовник Сосо) у присутствующих, при этом страх умело трансформируется оратором в преклонение перед авторитетом и мудростью великого Сталина.

Чтобы показать манипулятивный характер сталинского дискурса, П. Дашкова совмещает два восприятия речи Сталина: спецреферент Илья Крылов квалифицирует его дискурс как «механический бред (...) кровожадного демона, обожравшегося человеческими страданиями»³⁴; напротив, слушатели, завороченные гипно-

³⁴*Ibidem*, с. 540.

тическим влиянием страха, пытаются «разгадать глубокий священный смысл каждой фразы, каждого взгляда, жеста, вздоха»³⁵. Их коллективное ощущение выразил Молотов: «Всегда поражаюсь его железной логике, подкрепленной фактическими данными, это производит колоссальное впечатление. Товарищ Сталин все знает, знает больше любого специалиста»³⁶. Эти слова подтверждают известную истину, что эмоциональное *movere* в публичном, в том числе политическом, дискурсе всегда одерживает верх над убедительным *docere*, потому что именно на эмоциональном воздействии, на актуализации подсознательных фобий и инстинктов основана технология внушения. Вместе с тем наличие разных восприятий призвано показать массовому читателю возможность противостояния внушению, которая обеспечивается не только информированностью о реальном положении дел, не только пониманием приемов психологического и словесного воздействия, но и наличием ценностных ориентиров, таких, как честь и долг. К такому выводу приводит анализ рецепции политического дискурса в обоих романах П.Дашковой.

³⁵ *Ibidem*, с. 543.

³⁶ *Ibidem*, с. 543.